

Виктор БОЖОВИЧ, кинокритик

Фильмы Андрея Тарковского сотканы из материи воспоминаний. Связать, соединить разорванную ткань личного и исторического времени — таков внутренний импульс всех его произведений. Время, запечатленное памятью, было предметом и материалом его искусства. Сегодня, более пяти лет спустя после его смерти, теперь уже наша обязанность, наш долг — удержать память о нем. Ибо, в единстве своей личности и своего творчества, он был одним из важнейших моментов нашего исторического самосознания.

Странное чувство испытываешь, глядя документальные фильмы об Андрее Тарковском, созданные усилиями его друзей — Тонино Гуэрры («Время путешествия»), Эббо Демонта («В поисках утраченного времени»), Михала Лещилового («Снимает Тарковский»), Донателлы Балливо («Поэт в кино», «Тарковский в «Ностальгии»). Все эти фильмы относятся к последним, заграничным годам его жизни — на Родине Андрея Арсеньевича не снимали, не удостоились... Документальная лента А. Сокурова «Московская элегия» была смонтирована уже после смерти А. Тарковского, в основном из зарубежных материалов.

Документальные кадры, возврат к тому, чего уже нет, чудом воскрешения, увы, иллюзорного! Андрей Тарковский смотрит на нас с экрана, говорит, улыбается, хмурится, грызет ноготь, скребет в затылке, пожимает плечами... Он продолжает жить тенью среди теней, в том же призрачном мире, что и его экранные создания, некогда рожденные силой его художественной фантазии из игры света и тени, звуков и молчания, явлений природы и человеческих лиц.

Самое впечатляющее в этих документальных съемках — ощущение огромной творческой энергии, которой был заряжен Тарковский. На съемочной площадке он ни минуты не сидит на месте. Он все время в движении, в гуще событий — в общении с актерами, среди статистов и рабочих, рядом с оператором и художником, в разных углах декорации одновременно... И это не праздная суета: мы словно воочию наблюдаем исходящие от него силовые линии, по которым послушно располагаются люди и вещи; даже сам пейзаж преобразается по воле режиссера, и среди римской «кампании» возникает уголок русской природы.

«Он все время как бы охотился, — говорит шведский актер Эрланд Юсефсон, сыгравший у Тарковского в «Ностальгии» и «Жертвоприношении». — Он подстерегал не только выражение на лице актера, но и выражение природы. Он постоянно был в

Посмертная жизнь Андрея Тарковского

4 апреля на известинском фестивале современного киноискусства «Памяти Андрея Тарковского» — фильм «Зеркало» и документальные ленты, посвященные творчеству режиссера.

пути, искал какие-то мотивы, что-то изучал и одновременно создавал». Работа с Тарковским произвела на Юсефсона такое впечатление, что он написал документальную пьесу, главным героем которой стал русский режиссер. По этой пьесе в Швеции был сделан радиоспектакль, а в Москве Марк Розовский осуществил ее театральную постановку.

Режиссер, по Тарковскому, — это тот, кто творит свой мир, создает порядок из беспорядка, гармонию из хаоса. Неустанно добиваться реализации своего замысла — в этом и радость, и мука творчества. В той непримиримости, с которой Тарковский отстаивал свои художественные решения, некоторые усматривали излишнюю самоуверенность, даже излишнюю претенциозность. Но он-то знал, что достаточно уступить один раз, согласиться на неточность, приблизительность, половинчатость, — и ты вступаешь на наклонную плоскость, которая приведет тебя к творческой капитуляции. Высшая требовательность к себе была для него нравственным законом.

Каждый человек существует как некое единство в бесконечном многообразии своих прояв-

лений. Тем более это относится к личности большого художника. Уловить ее можно лишь в многообразии отражений. Все, знавшие его при жизни, вспоминают «своего» Тарковского. Открою книгу воспоминаний, бережно составленную сестрой режиссера М. А. Тарковской («О Тарковском». М., «Прогресс», 1989). Из мозаики как бы разрозненных свидетельств возник-

ласточка. За ней последовала обстоятельная монография М. Туровской «Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского» (М., «Искусство», 1991), правда, ранее уже издававшаяся за рубежом на немецком и английском языках. Заслуживает внимания и тщательно составленный, любовно оформленный сборник размышлений, исследований, воспоминаний «Мир и фильмы Андрея Тарковского» (М., «Искусство», 1991, составитель А. М. Сандлер). Выходит из печати очередной номер «Кинематографических записок», приуроченный к шестидесятилетию Андрея Арсеньевича, где читатель найдет публикацию многочисленных выступлений на происходивших в 1989 году в Москве Международных чтениях, посвященных А. Тарковскому.

Но многие долги все еще не оплачены. До сих пор не опубликована на русском языке книга Тарковского «Запечатленное время» (в свое время ее издание было остановлено после того, как режиссер уехал работать за границу). Не нашли пути к российскому читателю и дневники А. Тарковского, вышедшие в Германии на немецком языке под названием «Мартиролог». Не увенчались успехом попытки создать мемориальный музей, а дом в 1-м Щипковском переулке, где прошли детство и молодость режиссера и где этот музей должен был бы разместиться, превращен в груды мусора...

Память — цемент нашей личности, без него мы не могли бы связать наше прошлое и настоящее, не могли бы осознать себя, свой путь. Искусство, культура — эмоциональная память народа, цемент его духовной жизни, условие его исторического выживания. Культурное беспамятство — предвестие и симптом духовной катастрофы.

Тарковский необходим нам именно сейчас, чтобы с его помощью удержать захлестывающий нас поток коммерческого приспособленчества, циничного делячества, воинствующей пошлости, агрессивной бездарности. Он нужен нам как пример творческой смелости и честности. Многие в его творчестве, некогда вызвавшее реакцию отторжения, ныне прочно вошло в состав экранного искусства. Но Тарковский обогнал время не на один год и не на одно десятилетие. В его творчестве мы еще будем открывать много такого, о чем сейчас и не подозреваем. Нам предстоит встречаться с ним вновь и вновь. Если будем живы, если не потеряем себя, если не впадем в беспамятство.

Посмертная жизнь Андрея Тарковского еще только в начале...

кает многогранный, противоречивый, меняющийся образ: ребенка — и взрослого, студента ВГИКа — и зрелого мастера, человека замкнутого — и доверчивого, умудренного — и детски простодушного...

И личность, и творчество режиссера не воспринимаются всеми однозначно — они и не должны так восприниматься! Несколькими годами назад о нем писали главным образом как о мученике, как о жертве «системы». Сегодня уже видно, насколько узки для него такие рамки. Конечно, ему мешали партийные чиновники, мешала царившая вокруг атмосфера недоброжелательства, подозрительности. Но разве соизмеримы эти помехи с преградами, которые он преодолевал в тех сферах творчества, куда был вхож только он? И сейчас фигура Тарковского высвечивается для нас новым светом — как фигура творца, выполнившего свой долг самоотверженно и победоносно.

За рубежом количество книг, посвященных А. Тарковскому, исчисляется уже двузначными цифрами, а статьям и журнальным публикациям несть числа. В нашей стране в 1988 году появилась брошюра М. Зака «Андрей Тарковский», это была первая